

знателъно, если графъ дѣйствительно не понимаетъ, куда клонятся всѣ его затѣи, какой плодъ неизбѣжно принесутъ онъ, то, стало-быть, онъ самый жалкій человѣкъ въ мірѣ, стало-быть онъ пришелъ *въ такое состояніе*, при которомъ могъ подпасть вліянію другихъ, и теперь онъ только слѣпое орудіе въ рукахъ болѣе его искусствыхъ и ловкихъ, въ рукахъ, которыхъ имѣютъ самыя ясныя и опредѣленныя цѣли!.. Требуется спутать въ народѣ всѣ представлѣнія его о Богѣ и религіи, затемнить его вѣрованія, напустить, однѣмъ словомъ, какъ можно болѣе мрака... А тамъ уже сбитому съ толку народу, поколебавшемуся въ своей вѣрѣ, можно (*при удобныхъ обстоятельствахъ*) и внушать что угодно... Почву подготавляютъ эти господа! Не написать же графъ Толстой для народа сказку про Еруслана Лазаревича, или про Бову Королевича, съ новыми варіантами,— нѣтъ, ему нужно было касаться святыни Русскаго народа! Читая подобныя книжки, народъ потеряетъ всякий страхъ Божій, станетъ смѣяться и издѣваться надъ тѣмъ, предъ чѣмъ теперь благоговѣть; а слѣдовательно—и вѣрѣ конецъ! Соберутся подвыпившиѳ мужички и пойдутъ у нихъ рѣчи и разговоры... «Слыши, братъ, ты не читалъ про Архангела Михаила, какъ на него Богъ осерчалъ, и сталъ онъ человѣкомъ, и сапоги тачалъ?... Какъ отъ него сапожникъ разбогатѣлъ?.. Есть, братъ, такая книжка—пра-яй Богу! Въ Императорской, сказываютъ, типографіи напечатана... Я самъ слышалъ, какъ Пантихинъ парнишка читалъ; а ему, виши, въ училищѣ такъ, даромъ, дали... Вотъ, братъ, штука! Вотъ кабы мнѣ яво, или другаго Ангела, который проштрафится, годочекъ на пятокъ,—помогъ бы онъ мнѣ и въ полѣ и дома... и сталъ бы я не хуже людей!». «А я бы ему и жалованье положилъ!»—вставить другой невѣжка изъ компаний... «Отчаво не положить! Можно положить!» заговоритъ третій: «силища-то у него, небось, не такая, какъ у меня съ тобою! За десятерыхъ, поди, сработаетъ!».